

УДК 94(470)"16"

ПОЛЬСКОЕ ВЛИЯНИЕ В РОССИИ XVII ВЕКА***Е. В. Алексеева***Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, 620990, г. Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16
alekseeva167@mail.ru

Исследуется польская составляющая в начальный период вестернизации России. Польское воздействие рассматривается в его амбивалентности: как угроза суверенитету московской государственности и как катализатор трансформации традиционного русского общества в русле европейской модернизации. Раскрывается, но не переоценивается масштаб польского влияния на жизнь Московского государства в XVII в., в том числе на государственное управление, армию, законотворчество, образование, моду, архитектуру, культ.

Ключевые слова: история России XVII в., Польша, выборность царя, гусары, Соборное уложение 1649 г., просвещение, архитектура, мода.

В истории взаимоотношений России и Запада XVII век занимает особое место: этот период обрамляют польское вторжение в Россию 1604 г. и Великое посольство в Европу 1697–1698 гг. Между этими двумя событиями – огромная дистанция: от смертельной угрозы национальному суверенитету, традициям и укладу русской жизни со стороны Запада к государственному решению о последовательном движении навстречу Европе и практическим шагам по сближению с ней; от ненависти к захватчикам, пришедшим с Запада, борьбы с ними, отторжения иноземного к многоаспектной заинтересованности в современных достижениях европейской культуры и их принятию; от невиданного ослабления власти в России, закончившегося польским захватом русского трона, к приведению на польский трон нужного России кандидата (при поддержке Петра I польским королем стал саксонский курфюрст Август). Между этими событиями лежал трудный путь постепенного восприятия, отторжения, приспособления, рутинизации инноваций, шедших с запада. В процессе европеизации России – географически, этнически, отчасти культурно – ближайшим агентом оказывалась Польша.

Иностранному участию в Смуте и последовавшим за ней переменам уделяли значительное внимание в своих трудах дореволюционные историки московской и петербургской школ: С.М. Соловьев («История России с древнейших времен»), В.О. Ключевский («Курс русской истории»), П.Н. Милоков («Очерки по истории русской культуры»), С.Ф. Платонов («Москва и Запад в XVI–XVII вв.»), А.С. Лаппо-Данилевский («История русской общественной мысли и культуры. XVIII–XVIII вв.») и др. В прошедшее столетие проблематика европеизации России в допетровский период многосторонне рассмотрена в многочисленных трудах отечественных и зарубежных историков (Т.В. Черникова, Т.Л. Лабутина, И.П. Шаскольский, С.П. Литвинов, В.А. Хорев, Л.А. Сазонова, Л. Хьюз, Д. Тредголд, М. По, И. Майер, Д. Во и др.).

Исследования имеют различные методологические основания, среди которых выделяются теории культурного трансфера и диффузионизма [Алексеева, 2011]. Особенностью диффузионистского направления является нацеленность на выявление центров возникновения инновационной волны и объяснение ее причин, изучение исходящих из этих центров культурных кругов и их разнообразных элементов, раскрытие процессов и результатов проникновения и адаптации заимствований в другой социальной среде. Согласно теории диффузионизма инновационная волна порождается нововведением, открывающим дорогу военной, коммерческой, культурной экспансии. Как следует из изучения рассматриваемой темы, военные преобразования Речи Посполитой времен С.Батория являлись эпицентром распространения политического, экономического, социокультурного давления на Московское государство.

В отношениях России и Польши наиболее значимым фактором чаще всего оказывалось притяжение к разным политическим и религиозным мирам – православному и католическому, приводившее к противостоянию двух стран, а не объединяющие нас территориальная близость и этническое родство. Несмотря на напряженные, а часто и открыто враждебные отношения, в конце XVI – первые десятилетия XVII в. Речь Посполитая была государством, с которым Московское государство активно устанавливало контакты. Интенсивность межгосударственных русско-польских свя-

зей в указанный период иллюстрируется Д.В. Лисейцевым, который, анализируя деятельность Посольского приказа, выявил следующую динамику: до Смуты книги о связях Московии с Польшей составляли около четвертой части от общего числа книг (5 из 21), в начале XVII столетия – около 30%, а в 1620–1635 гг. — более 50% [Лисейцев, 2003, с. 229]. К дипломатическим контактам двух стран относится наибольшее количество документов (79 единиц хранения), составленных в Посольском приказе в 1604 – 1619 гг. [Лисейцев, 2003, с. 227–228]. Эти материалы преобладают над документами, касающимися связей с двумя другими важнейшими контрагентами Московского государства – Швецией и Крымом: в РГАДА сохранилось 256 «польских» книг, 129 «шведских» и 82 «крымских» [Лисейцев, 2003, с. 228].

Годы Смуты стали периодом сильнейшего польского воздействия на Русь, имевшего следствием венчание на царство польского ставленника Лжедмитрия I (1605 г.), польское хозяйничанье во множестве русских городов, сел и монастырей, присягу Москвы на верность польскому королевичу Владиславу (1610 г.), события марта 1611 г., в ходе которых поляки вырезали тысячи москвичей [Мархоцкий, 2000], попытку вновь взять Москву осенью 1618 г. Владиславом и гетманом Сагайдачным, тяжелое Деулинское перемирие 1618 г., одним из условий которого было сохранение Владиславом Вазой права именоваться русским царем (он отказался от прав на царский трон только по условиям Поляновского мира 1634 г.). Неудивительно, что большая часть русского общества в этот период все польское яростно отвергала.

Нужно, однако, понимать, что успехи польской интервенции объясняются не только ослаблением России рубежа XVI и XVII в. (вследствие династического кризиса, демографической и природной катастрофы), но и военной мощью Речи Посполитой, в рассматриваемый период сильнейшего государства Восточной Европы. Создание мощного польского войска было обеспечено реформами Стефана Батория, в ходе которых в отдельный вид тяжелой конницы были выделены гусарские подразделения – знаменитые «крылатые гусары» (1576 г.). При Батории они составляли до 90% польской конницы. Польско-литовские войска благодаря отработанной тактике тесного взаимодействия пехоты, артиллерии, тяжелой и легкой конницы, умелому совмещению лучших элементов европейской и восточной традиций неоднократно демонстрировали в сражениях свое тактическое и качественное преимущество [Пенской, 2010].

Военные столкновения России с Речью Посполитой на протяжении XVII в. (1609–1618, 1632–1634, 1654–1667 гг.) стимулировали развитие военного дела в обеих странах. Польские гусары – символ польского военного могущества – послужили образцом при создании русской гусарской шквандоны под командованием ротмистра Христофора Рылского в ходе Смоленской войны 1632–1634 гг. К середине 1650-х гг. в московском войске было уже шесть полков гусар, в каждом в среднем по 400 человек. Гусарские роты и полки создавались и в дальнейшем [Пенской, 2008, с. 108; Малов, 2006, с. 53–54]. В период Смоленской войны пополнялись преимущественно выходцами из Речи Посполитой [Малов, 2006, с. 46]. Отряд из 40 гусар входил в личную охрану Алексея Михайловича в период польской кампании 1654 г. а в войске царя, выступившем против Владислава IV, было 1000 польских гусар [Цвиркун, 1993]. Кроме того, во время войн поляки активно нанимали немецкую пехоту, и через Польшу в Россию транслировались западноевропейские военные инновации. Однако в дальнейшем Польша, ослабленная внутривнутриполитической борьбой, потеряла статус транслятора военных инноваций, и они стали перениматься через Швецию.

Важно отметить, что Польша являлась в большей степени передатчиком наиболее привлекательных образцов европейской культуры, чем их творцом. В период правления династии Ваза и Собеского при дворе процветала иностранная мода. Обе жены Сигизмунда III из дома Габсбургов, ввели в обиход немецкую речь и наряды. Жена Владислава IV Мария Луиза де Гонзага насаждала французские платья и язык, как позднее и ее землячка, жена Яна III Мария Казимира д'Аркьен. В магнатских дворах одежду, обычаи и язык тоже меняли, следуя немецким и французским образцам. Польские историки подчеркивают, что это вызывало недовольство у шляхты, культивировавшей национальные традиции [Дыбковская, Жарын, 1995, с. 140]. Аналогичные настроения, но уже применительно к польским заимствованиям в XVII в. на православных землях описывает Н.В. Гоголь: «Тогда влияние Польши начинало уже сказываться на русском дворянстве. Многие перенимали уже польские обычаи, заводили роскошь, великолепные прислуги, соколов, ловчих, обеды, дворы. Тарасу было это не по сердцу. Он любил простую жизнь козаков и перессорился с теми из своих товарищей, которые были склонны к варшавской стороне, называя их холопьями польских панов»

[Гоголь, 1842].

Смутное время – период острейшей борьбы за власть. Среди методов этой борьбы были и выборы, апробированные для разрешения глубочайшего династического кризиса в России. В Польше короли избирались с 1573 г., в выборах активное участие принимала шляхта. Избрание польского королевича Владислава на Московское царство в 1610 г. (он стал четвертым избранным царем после Федора Иоанновича, Бориса Годунова и Василия Шуйского), по сути, свидетельствовало о том, что Московия подобно Польше становилась выборной монархией. Очевидец событий Конрад Буссов в своих «Московских хрониках» описывал, как, мотивируя невозможность избрания русского царя отсутствием достойного кандидата и единого мнения, бояре предложили «избрать совсем чужого вельможу, который был бы прирожденным государем по отцу и по матери». «Все сословия закричали, что такое мнение и решение хороши, и разумно будет последовать им...они просили польского короля, чтобы тот "милостивейше дал свое согласие и одобрение" на воцарение своего сына Владислава и "помог бы им способствовать и содействовать... дабы они как можно скорее опять получили постоянного государя, и тем самым от междоусобицы, кровавой войны и разорения страны вернулись, наконец, снова к благодетельному миру и спокойному состоянию"» [Буссов, 1998]. После изгнания поляков из России выборность монарха сохранилась – Михаил Романов в 1613 г. был избран на царство Земским собором. А спустя несколько десятилетий русское дворянство стали называть на польский манер. При Петре законодательство дало русской аристократии двойное – польское и русское – название: шляхетство или дворянство [Ключевский, 1983].

После избрания царем первого Романова в целях утверждения новой династии, приведения законов в соответствие с требованиями изменившейся жизни развернулась активная законотворческая деятельность. Моделью для русского кодекса законов стало польское законодательство. В качестве юридического образца Соборного уложения 1649 г. – единого свода законов Московской Руси, регулировавшего все сферы жизни государства и граждан до 1832 г., – был взят Литовский статут 1588 г. [Рождественский, 1991, с. 187; Маньков, 1980, с. 16–17].

Бурными событиями Смутного времени, военными, юридическими заимствованиями польское влияние не ограничивается. Роль Польши в распространении европейских инноваций в России на протяжении XVII столетия заслуживает всестороннего изучения. Польша «была первой передатчицей духовного влияния Западной Европы на Русь: западноевропейская цивилизация в XVII в. приходила в Москву, прежде всего в польской обработке, в шляхетской одежде». Впрочем, считал В.О. Ключевский, «сначала даже не чистый поляк приносил ее к нам...Западнорусский православный монах, выученный в школе латинской или в русской, устроенной по ее образцу, и был первым проводником западной науки, призванным в Москву» [Ключевский, 1988, с. 258–259].

Присоединив восточные территории Речи Посполитой, Московское государство получило образованных и, что очень важно, принадлежавших к православной культуре ученых монахов, которые исправляли богослужебные книги, проповедовали, своими трудами способствовали литературной популяризации европейского знания, обучали подростков из знатных домов, одним словом, вели разностороннюю просветительскую деятельность. На подготовленную западнорусскими учеными монахами почву сеяли семена знаний светские учителя из польской и западнорусской шляхты. Во второй половине XVII в. по приглашению царского двора в Москву в качестве учителей, переводчиков, справщиков прибывали десятки украинских книжников (Епифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий, Стефан Яворский и др.) [Сазонова, 1995, с. 53]. Многие из приехавших учителей имели опыт обучения в католических и иезуитских школах Польши и Западной Европы. Процесс проникновения интеллектуального, духовного влияния через латинские и польские тексты и догматы, личный ученый опыт ярко представлен в деятельности С. Полоцкого, С. Медведева, эллино-греческой академии, официально открывшейся в Москве в 1687 г. [Звонарева, 2000, с. 54-69; Пытин, 1897].

Существенным является вопрос о каналах распространения инноваций из Польши в Россию и агентах диффузионного процесса. Польское влияние шло через родственные связи, различного рода мастеров, книги. После окончания польской оккупации в начале XVII в. на западе России осело около тысячи раненых польских солдат и офицеров [Заринов, 2010, с. 22]. В середине столетия, после присоединения территории Украины, находившейся под властью запорожских гетманов, польское население России заметно увеличилось. Проникали поляки и в столицу. В Москве, в Мещанской слободе, жили выходцы с территории Белоруссии и из польско-литовских городов. Вы-

ходцы из Польши обитали также в Старопанской и Панской слободах. В Старопанской слободе по переписи 1638 г. иноземный посёлок насчитывал 52 двора [Звягинцев, 1944, с. 85]. В 1670-х–80-х гг. в Мещанской слободе проживало до сотни ремесленников, поставлявших москвичам изделия, изготовленные в польском вкусе. Это были серебряники, гончары, каретники, шапочники, башмачники, перчаточники и т.д. [Нечаев, 1991, с. 79]. В московских торговых рядах продавались «мыло польское», другие предметы «польского дела» или «польского фасона». Подданные Речи Посполитой в Московском государстве были лишены свободы выбора конфессии, после принятия православия они должны были навсегда оставаться в Московском государстве [Опарина, 2007, с. 342]. К XVIII в. Старопанская и Панская иноземные слободы в результате ассимиляционных процессов полностью утратили свою обособленность.

Источником знаний о мировой культуре и жизни в других странах служили книги. В библиотеках царя, его придворных (А. Матвеева, В. Голицына), монастырей в числе прочих находились десятки книг на польском языке. По сведениям В. Нечаева, в 1689 г. в библиотеке Заиконоспасского монастыря имелось 125 польских книг, перешедших туда, вероятно, из школы С. Медведова и Славяно-греко-латинской академии [Нечаев, 1991, с. 87]. Часть книг представляли собой переводы. Так, «Великое Зерцало», иезуитский сборник назидательных повестей, переведенный с польского в 1677 г., «настолько пришелся по вкусу московской читающей публике, что быстро разошелся во множестве списков, проник даже в народную среду и в XVIII в. утвердился, вместе с другими обломками допетровской культуры в старообрядческом репертуаре душеспасительных книг» [Нечаев, 1991, с. 86].

Значительный приток книг с западных территорий, имевших общеобразовательное и литературное значение, начался в Москве с 1660-х гг. [История русской литературы, 1948, с. 141]. Посредством польских переводов и изданий русский читательзнакомился с рядом произведений античных авторов, западноевропейской средневековой литературой, описаниями путешествий. С 1670-х гг. через белорусские и польские переводы западноевропейских изданий до русского читателя доходят «утешные», «умильные», «любезные» и «смехотворные» истории – популярная литература о занимательных приключениях и любовных переживаниях героев [Там же, с. 152]. Через Польшу в Россию проникает рыцарский роман. С польского были переведены «истории» и «повести» «О Петре Златых ключах», о «Благородной и прекрасной Мелюзине», «Королеве Олунде» и т.д. [Нечаев, 1991, 86]. Одним из основных учебных руководств по русской истории (неоднократно переиздававшимся в XVIII – первой половине XIX в. и повлиявшим на многих историков XVIII в.) был «Синописис, или Краткое собрание от разных летописцев о начале славяно-российского народа», приписываемый архимандриту Киево-Печерской лавры Иннокентию Гизелю. Этот первый опыт изложения основных событий истории Киевской Руси, Украины и частично Русского государства в значительной степени основывался на данных польских хронистов XVI—XVII вв. [История русской литературы, 1948, с. 146].

Алексей Михайлович первым из царей начал некоторые западные преобразования при дворе. При нем появился придворный театр, в Кремле стали носить польское платье, изменилось дворцовое убранство. После того как Алексей Михайлович во время военных походов побывал на польской территории, познакомился с местным образом жизни, он «стал подражать польскому королю, круг его понятий расширился: он начинает преобразовывать двор, строить здания красивее прежнего, украшать покои обоями и заводить увеселительные дома» [Нынешнее состояние России ..., 1997]. Помимо новых элементов культуры из Польши распространялись явления отнюдь не привлекательные. Врач царя Самуил Коллинс писал, что, завоевав Вильну и многие другие пограничные польские города и области, «русские взяли в плен госпожу *Lues Venerea*», и иронично предполагал, что «провладеют ею долее, нежели городами». По мнению английского врача, эта болезнь «здесь в течение тысячи лет не была известна, но, проникнув однажды в такую страну, какова Россия, она, как барсук, врывается так глубоко, что ее не иначе прогнать можно, как копьём и огнем» [Нынешнее состояние..., 1997].

Во второй половине XVII в., несмотря на ослабление Польши в ходе шведского потопа и шляхетских раздоров, она все еще сохраняла привлекательность в качестве европейского образца в процессе изменения различных сторон жизни России. Влияние польских образцов прослеживается в народных картинках, продававшихся на московских рынках, рукописных миниатюрах, скульптурных изображениях святых, трактовавшихся в католическом духе, проникновении польских икон

в боярские дома и новых художественных принципов в иконопись как таковую, в церковные песнопения.

Польский язык знали, а польской моде следовали многие представители властной и интеллектуальной элиты в России. Симеон Полоцкий, в 1667 г. назначенный воспитателем царских детей, учил Федора и Софью польскому языку. В июле 1680 г. состоялось венчание царя Федора Алексеевича и Агафьи Грушецкой – дочери смоленского шляхтича польского происхождения. Федор не только знал латинский и польский языки, но и, очевидно, под влиянием молодой жены при дворе заменил охабни польскими кунтушами, поощрял бритье бороды и стрижку на новый лад. Сама молодая царица одевалась в польские одежды и не пряталась в тереме, а появлялась на людях вместе с супругом. По примеру Агафьи польские платья и шапочки стали носить ее родственницы и придворные. Указ Федора Алексеевича от 22 октября 1680 г., предписывавший «охабни отставить» и носить служилое платье, стал толчком к отказу от традиционного верхнего парадного платья и переходу на служилый костюм – более короткий и схожий с польским [Шамин, 2005, с. 23–38; Седов, 2006]. Иностранцы в своих донесениях сообщали о склонности Федора к католицизму, его намерениях открыть иезуитские школы, причем не только в Москве, но и в Смоленске [Hughes, 1990, с. 128].

Реформаторский потенциал Федора и стоявших за ним бояр не ограничивался культурными заимствованиями, он охватывал административную и церковную сферы. «Грандиозный план» перестройки государственно-церковного управления, как отмечает Т.В. Черникова, по форме был во многом заимствованием из польско-литовского опыта, но по сути «был прямо противоположен духу польско-литовской государственности, ибо вел не к утверждению в России "шляхетской республики" с выборным королем, "либертум-вето" у членов Сейма, правом шляхты на вооруженные "конфедерации", а на усиление абсолютизма» [Черникова, 2012, с. 491]. Противодействие ряда бояр и иерархов церкви переменам, болезненность царя и его ранняя смерть не позволили планам осуществиться в полном объеме. Тем не менее, безусловно, весомым результатом стала отмена местничества в 1682 г.

После заключения Вечного мира между Россией и Речью Посполитой в 1686 г. польская культура хлынула в Россию. Описывая благоденствие, наступившее в России в царствование Софьи, князь Б. Куракин отмечал: «политес возставлена была в великом шляхетстве и других придворных с манеру польскаго — и в экипажах, и в домовном строении, и уборах, и в столах» [Куракин, 1890, с. 238]. Польское влияние сказалось и на стиле московской архитектуры. До этого времени эпизодически заимствовались лишь отдельные элементы из немецкой архитектуры рубежа XVI и XVII вв. Пришедший же из Польши новый стиль, как показывает В.Седов, был всеохватывающим: он касался типологии архитектуры, ее декора, прикладного искусства, живописи, скульптуры, гравюры – всего круга будущих «изящных искусств» [Седов, 2004]. Стиль «вечного мира» развивался стремительно, просуществовав около десятилетия (1686–1698 гг.). Он уступил место голландским архитектурным решениям, «привезенным» из Великого посольства Петром I. Наиболее ярко этот стиль представлен в надвратных храмах, колокольне и трапезной Новодевичьего монастыря в Москве, постройках Новоиерусалимского монастыря, ряде других храмов и усадеб столицы и окрестностей.

Таким образом, в России XVII столетия польское влияние охватывало все сферы общественной жизни: государственное управление, воинскую организацию, законотворчество, образование, архитектуру, моду, культ и т.д. На протяжении XVII в. в ходе военных кампаний, переселения иноземцев, передача территорий, учреждения и деятельности новых социальных, культурных, военных институтов (Славяно-греко-латинской академии, театра, полков иноземного строя и др.), печатания переводов и приобретения иностранных книг шла постоянная диффузия новых знаний, навыков, элементов культуры. Проникновение политических, военных, лингвистических, социокультурных нововведений с польской территории или через нее подготавливало русское общество к радикальному этапу массового импорта западноевропейских инноваций, начавшемуся на рубеже XVII и XVIII столетий. Польша и польское не были беспепелляционно отвергнуты как воплощение и символ русского национального падения в годы Смуты. Вместе с «водой» не был «выплеснут» формирующийся комплекс модернизационных перемен, развернувшийся со временем во всеохватывающую вестернизацию Российской империи. Мыслящая часть московского общества задолго до Петра I осознавала необходимость трансформации русского уклада, чуть было не канувшего в лету под

напором западных соседей в первое десятилетие XVII в. Через Малороссию Россия сблизилась с Польшей, а через Польшу – с западноевропейской культурой. Тем не менее значение польского влияния все же не следует переоценивать: польская мебель или обои в царских дворцах и отдельных домах московской знати, сотня - другая книг, попавших в Россию из Польши в оригиналах или переводах, ряд польских слов или польские шапочки царицы Агафьи составляли еще слишком тонкий и поверхностный культурный слой, покрывавший толщу традиционной русской жизни.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ, грант № 13–01–00114 «Волны вестернизации в России (XVII – начало XX в.)».

Библиографический список

Алексеева Е.В. Диффузионистский подход к исследованию мировой и региональной истории: теоретико-методологический и историографический аспекты // Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII – начало XX в.). Екатеринбург, 2011.

Буссов К. Московская хроника, 1584–1613 // Хроники Смутного времени. М., 1998. URL: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/439123/> (дата обращения: 22.05.2014).

Гоголь Н.В. Тарас Бульба. Редакция 1842 г. URL: http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0040.shtml (дата обращения: 2.06.2014).

Дыбковская А., Жарын М., Жарын Я. История Польши с древнейших времен до наших дней. Варшава, 1995.

Заринов И.Ю. Поляки в диаспоре. Сравнительная характеристика этнической истории польских диаспор в России, США и Бразилии. М., 2010.

Звонарева Л.У. Польша, Литва, Россия в наследии Симеона Полоцкого // Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия. М., 2000. Вып. 1.

Звягинцев Е. Слободы иностранцев в Москве XVII века // Ист. журнал. 1944. №2–3.

История русской литературы: в 10 т. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); гл. ред. П.И. Лебедев–Полянский. М.; Л., 1941–1956. Т. 2, ч. 2: Литература 1590–х – 1690–х гг.

Ключевский В.О. Подготовка дворянства к роли проводника западного влияния // Неопубликованные произведения. М.: Наука, 1983. URL: http://az.lib.ru/k/kljuchewskij_w_o/text_1891_zaoadnoe_vlianie.shtml (дата обращения: 10.06.2014).

Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 3 // Ключевский В.О. Сочинения. М., 1988. Т. 3. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/history/kluchev/kllec53.htm> (дата обращения: 10.06.2014).

Куракин Б.И. Гистория о Петре I и ближних к нему людях. 1682–1695 гг. // Рус. старина, 1890. Т. 68, № 10. URL: <http://memoirs.ru/texts/kurakin.htm> (дата обращения: 17.06.2014).

Лицейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003.

Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М., 2006.

Маньков А.Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. Л., 1980.

Мархоцкий Н. История московской войны. М., 2000.

Нечаев В. Малорусско–польское влияние в Москве и русская школа XVII в. // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. / сост. А.М. Мартышкин, А.Г. Свиридов. М., 1991. Т.2.

Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне: Соч. Самуила Коллинса, который девять лет провел при Дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. М., 1846; Утверждение династии. М., 1997. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Collins/text2.phtml?id=716> (дата обращения: 15.06.2014).

Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. М., 2007.

Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. М., 2010. URL: http://www.e-reading.ws/chapter.php/1004948/17/Penskoj_Vitaliy_-_Velikaya_ognestrelnaya_revoluciya.html (дата обращения: 30.03.2014).

Пенской В.В. От лука к мушкету. Вооруженные силы российского государства во второй половине XV – XVII вв.: проблемы развития. Белгород, 2008.

- Пыпин А.Н.* Сильвестр Медведев // Вестник Европы. 1897. № 11.
Рождественский С. В. Соборное уложение 1649 г. // Три века. М., 1991. Т. 1.
Сазонова Л.И. Восточнославянские академии XVI–XVIII вв. в контексте европейской академической традиции // Славяноведение. 1995. № 3.
Седов В. Стиль Вечного мира, или Польский ренессанс в Москве. URL: http://www.projectclassica.ru/school/12_2004/school2004_12_01a.htm (дата обращения: 17.06.2014).
Седов П.В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006.
Цвиркун В.И. Гусары в русском войске XVII века // Воен.-ист. журн. 1993. № 6. URL: http://annals.xlegio.ru/rus/small/gusar17v.htm#_ftnref18 (дата обращения: 25.01.2014).
Черникова Т.В. Европеизация России во второй половине XV–XVII вв. М., 2012.
Шамин С.М. Мода в России последней четверти XVII столетия // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2005. № 1.
Hughes L. Sophia: Regent of Russia, 1657–1704. New-Haven; London. 1990.

Дата поступления рукописи в редакцию 08.06.2014

POLISH INFLUENCE ON RUSSIA IN XVII CENTURY

Е. В. Alekseeva

Institute of History and Archaeology, Ural branch of Russian Academy of Sciences, Kovalevskoy str., 16, 620990, Yekaterinburg, Russia
alekseeva167@mail.ru

The article concentrates on the Polish role in the initial stage of Russian westernization. Polish influence is regarded in its ambivalence: as a threat to the sovereignty of Moscow statehood and as a catalyst for the transformation of traditional Russian society in the mainstream of European modernization. The author dwells on the Polish influence in many spheres of life in the Moscow State in the XVII century: public administration, the army, law, education, fashion, architecture and worship. During the XVII century there was a constant distribution of new knowledge, skills, elements of culture as a result of military campaigns, migrations of foreigners, transfer of territories, establishment and functioning of new social, cultural and military institutions, publications of Polish translations and acquisitions of foreign books. Such penetration of new elements from Poland or via its territory prepared Russian society to a radical step towards mass import of Western innovations that began at the turn of the XVII–XVIII centuries. Poland and the Polish were not categorically rejected as the embodiment and symbol of Russian national fall in the Time of Troubles. The value of Polish influence however should not be overestimated: Polish furniture in a number of houses of Moscow nobility, a hundred of books, brought to Russia from Poland, some Polish words or Polish hats introduced by Agafya – a Russian tsarina of Polish origin, were a very thin and superficial cultural layer covering the thickness of traditional Russian life.

Key words: history of Russia in the XVII century, Poland, election of the Tsar, the Hussars, 1649 Code of Law, education, architecture, fashion.

References

- Alekseyeva E.V.* Diffuzionistskiy podkhod k issledovaniyu mirovoy i regional'noy istorii: teoretiko-metodologicheskii i istoriograficheskiy aspekty // Diffuziya tekhnologiy, sotsial'nykh institutov i kul'turnykh tsennostey na Urале (XVIII – nachalo XX v.). Yekaterinburg: UrO RAN, 2011.
Bussov K. Moskovskaya khronika, 1584–1613 // Khroniki Smutnogo vremeni. M.: Fond Sergeya Dubova, 1998. <http://www.sedmitza.ru/lib/text/439123/>
Gogol' N.V. Taras Bul'ba. Redaktsiya 1842 g. http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0040.shtml
Dybkovskaya A., Zharyn M., Zharyn Y.A. Istoriya Pol'shi s drevneyshikh vremen do nashikh dney. Varshava, 1995.
Zarinov I.Yu. Polyaki v diaspore. Sravnitel'naya kharakteristika et-nicheskoy istorii pol'skikh diaspor v Rossii, SSHA i Brazili. M.: IEA RAN. 2010.
Zvonareva L.U. Pol'sha, Litva, Rossiya v nasledii Simeona Polotskogo // Rossiya i mir glazami drug druga: Iz istorii vzaimovospriyatiya. Vyp. 1. M., 2000.
Zvyagintsev Ye. Slobody inostrantsev v Moskve XVII veka // Istoriche-skiy zhurnal. 1944. №2–3.
Istoriya russkoy literatury: V 10 t. / AN SSSR. In–t rus. lit. (Pushkin. Dom); Gl. red.: P.I. Lebedev–Polyanskiy. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1941–1956. T. II. CH. 2. Literatura 1590–kh–1690–kh gg. / Redkol. toma: A.S. Orlov, V.P. Adrianova–Peretts, N.K. Gudziy. 1948.

- Hughes L.* Sophia: Regent of Russia, 1657 - 1704. Yale University Press. New-Haven and London. 1990.
- Klyuchevskiy V.O.* Neopublikovannyye proizvedeniya. M.: Nauka, 1983. Podgotovka dvoryanstva k roli provodnika zapadnogo vliyaniya http://az.lib.ru/k/kljuchewskij_w_o/text_1891_zaoadnoe_vlianie.shtml
- Klyuchevskiy V.O.* Kurs russkoy istorii. Ch. III // *Klyuchevskiy V.O.* Sochineniya. M., 1988. T. 3. <http://www.magister.msk.ru/library/history/kluchev/kllec53.htm>
- Kurakin B.I.* Gistoriya o Petre I i bliznikh k nemu lyudyakh. 1682—1695 gg. // *Russkaya starina*, 1890. T. 68. № 10. <http://memoirs.ru/texts/kurakin.htm>
- Liseytssev D.V.* Posol'skiy prikaz v epokhu Smuty. M., 2003.
- Malov A.V.* Moskovskiye vybornyye polki soldatskogo stroya v nachal'nyy period svoey istorii. 1656–1671 gg. M., 2006.
- Man'kov A.G.* Ulozheniye 1649 goda – kodeks feodal'nogo prava Rossii. L., 1980.
- Markhotskiy N.* Istoriya moskovskoy voyny. M. ROSSPEN. 2000.
- Nechayev V.* Malorussko–pol'skoye vliyaniye v Moskve i russkaya shkola XVII v. // *Tri veka. Rossiya ot Smuty do nashego vremeni*. T.2. Sb. / Sost. A.M. Martyshkin, A.G. Sviridov. M.: GIS, 1991.
- Nyneshneye sostoyaniye Rossii, izlozhennoye v pis'me k drugu, zhivushchemu v Londone. Sochineniye Samuila Kollinsa, kotoryy devyat' let provel pri Dvore moskovskom i byl vrachom tsarya Alekseya Mikhaylovicha // *Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey Rossiyskikh*. M. 1846; *Utverzhdeniye dinastii*. M. Fond Sergeya Dubova. 1997. <http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Collins/text2.phtml?id=716>.
- Oparina T.A.* Inozemtsy v Rossii XVI–XVII vv. M., 2007.
- Penskoy V.V.* Velikaya ognestrel'naya revolyutsiya. M.: Eksmo. Yauza. 2010. http://www.e-reading.ws/chapter.php/1004948/17/Penskoy_Vitaliy_-_Velikaya_ognestrel'naya_revolyuciya.html
- Penskoy V.V.* Ot luka k mushketu. Vooruzhennyye sily rossiyskogo gosudarstva vo vtoroy polovine XV – XVII vv.: problemy razvitiya. Belgorod, 2008.
- Pyпин A.N.* Sil'vestr Medvedev // *Vestnik Yevropy*. 1897. № 11.
- Rozhdestvenskiy S.V.* Sobornoye ulozheniye 1649 goda // *Tri veka*. T. 1. M., 1991.
- Sazonova L.I.* Vostochnoslavyanskiye akademii XVI–XVIII vv. V kontekste yevropeyskoy akademicheskoy traditsii // *Slavyanovedeniye*. 1995. № 3.
- Sedov V.* Stil' Vechnogo mira, ili Pol'skiy renessans v Moskve // http://www.projectclassica.ru/school/12_2004/school2004_12_01a.htm
- Sedov P.V.* Zakat Moskovskogo tsarstva: Tsarskiy dvor kontsa XVII veka. SPb.: «Dmitriy Bulanin», 2006.
- Tsvirkun V.I.* Gusary v russkom voyske XVII veka // *Voyenno–istoricheskiy zhurnal*. 1993. № 6. http://annals.xlegio.ru/rus/small/gusar17v.htm#_ftnref18
- Chernikova T.V.* Yevropeizatsiya Rossii vo vtoroy polovine XV–XVII vekakh. M., 2012.
- Shamin S.M.* Moda v Rossii posledney chetverti XVII stoletiya // *Drevnyaya Rus'*. Voprosy mediyevistiki. 2005. № 1.